

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ОБЩЕСТВО

Где хоронят города

Руины кварталов, поля в воронках, отравленная вода –
что с этим делать?

Фото: РИА Новости

07:17, 13 января 2026,

Иван Жилин

спецкор

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

В парке среди высоких берез и сосен открыта ярмарка — продают сувениры, сахарную вату, картины уличных художников. Тут и там поют песни, танцуют. Многолюдно. У фонтана — выставка техники: пожарной и медицинской. Люди фотографируются с ней, забираются в кабины. Это 11 сентября 2021 года. В Бахмуте День города — 450 лет.

Спустя полтора года, в феврале 2023-го, российское государственное агентство РИА «Новости» опубликовало совсем другие кадры: искореженные дома с разрушенными стенами и разбитыми крышами, пустые черные проемы окон. Сгоревшие деревья. Таким Бахмут встретил свои 452.

В зоне боевых действий населенные пункты превращаются в руины. Улицы, по которым гуляли люди, где они назначали встречи, влюблялись, теперь мертвые. Авдеевка, Марьинка, Попасная, Соледар, Часов Яр — десятки и десятки городов, поселков, сел стали свалками строительного мусора, присыпанного серой, тяжелыми металлами и другими остатками боеприпасов.

У человеческой трагедии есть экологическое измерение, которое не исчезнет и с окончанием боевых действий. «Новая» вместе с экспертами разбирается:

- Что делать с руинами городов?
- Можно ли что-то вырастить на полях в зонах обстрелов?
- Чем отравлены реки, озера и Азовское море?
- И остались ли в местах, где прошли бои, хоть какие-то дикие животные?

«Проще построить новые города на новых местах»

История плохо учит людей. Трагедии забываются, властолюбие

и ненависть берут верх. А после вновь поднимаются старые вопросы. О восстановлении разрушенных городов человечество уже задумывалось. Чтобы отстроить Сталинград, потребовалось 10 лет, Варшаву — 21 год, а в Дрездене последнее руинированное здание — Фрауэнкирхе — отреставрировали лишь в 2005-м.

Но тогда Советский Союз получал репарации Германии, а Европа — экономическую поддержку в рамках американского плана Маршалла. Сейчас же, особенно с приходом Дональда Трампа, мировая солидарность выглядит не такой нерушимой. А кроме того, неочевидно, какая страна будет в итоге контролировать те или иные разрушенные города. Как следствие — непонятны и силы, которыми их надо будет восстанавливать.

Алексей Василюк. Фото: соцсети

— На мой взгляд, полноценное восстановление городов уже невозможно, — говорит украинский эколог, эксперт UWEC

Алексей Василюк. — Все населенные пункты, по которым прошла линия фронта, разрушены полностью или почти полностью. При этом многие из них — не просто жилые массивы, а города, в которых промышленные предприятия занимают доминирующую часть площади. Чтобы их отстроить, нужно не только снести уцелевшие стены и фундаменты, но и демонтировать подземные коммуникации. Речь пойдет не только о канализации или водопроводе, но и о достаточно специфичных объектах — таких, например, как аммиакопроводы. Демонтаж будет очень затратным, и пока все выглядит так, что проще и дешевле построить новые города на новых местах.

Эксперт указывает, что восстановление будет затруднено и необходимостью разминирования. В 2023 году словацкий аналитический центр Globsec оценил заминированные площади в Украине в 67 181 квадратную милю — это чуть меньше трети территории страны. На основе этих данных эксперты, опрошенные The Washington Post, подсчитали,

ЧТО ДЛЯ ПОЛНОГО РАЗМИНИРОВАНИЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ИМ БУДУТ ЗАНИМАТЬСЯ 500 САПЕРНЫХ БРИГАД, ПОТРЕБУЕТСЯ ДО 757 ЛЕТ.

— Конечно, эта цифра выглядит преувеличенной. Но даже если предположить, что понадобится в десять раз меньше времени, кто будет ждать 75 лет до начала строительства? — замечает эксперт. — К тому же это сейчас мины лежат в траве, и как их обезвредить — понятно. А когда в этих местах начнут расти деревья? Я уверен, что с каждым годом отрезок времени, которое понадобится на разминирование, будет увеличиваться, а не уменьшаться. И есть вероятность, что полного разминирования вообще не

будет. Учитывая, что руины городов и их окрестности — одни из самых заминированных участков, их восстановление кажется еще менее вероятным.

В 2023 году в Украине была представлена электронная система DREAM, которая объединяет проекты по восстановлению инфраструктуры, пострадавшей от боевых действий. Алексей Василюк обращает внимание, что большую часть этих проектов планируется воплощать далеко от зоны боевых действий. Например, в Донецкой области — 88 проектов, тогда как в Киевской — более 400.

— То есть речь скорее идет об устраниении точечных разрушений или даже серьезных, как в Николаеве и Одессе, но не о тех случаях, когда города нет, — замечает эколог.

Стоит отметить, что на DREAM в принципе нет проектов восстановления населенных пунктов, которые контролирует российская армия.

— И последнее. Непонятно, нужно ли восстановление самим людям, покинувшим эти города. У меня, как и у многих, сначала была иллюзия, что те, кто выехал, ждут возможности вернуться домой. Запечателись первые недели, когда огромное количество переселенцев жило где придется. Я тоже был переселенцем и помню, как во Львове тысячи человек с детьми спали зимой на матрасах в здании вокзала. Тогда создавалось впечатление, что люди остались без дома, им больше некуда деться и нужно что-то сделать, чтобы они могли вернуться, — говорит Алексей Василюк. — Но это было почти четыре года назад. С того момента миллионы уехали в Европу, кто-то устроился в других регионах Украины. И совсем не факт, что они захотят вернуться туда, где жили раньше. Особенно если учитывать, что восстановление займет годы, а то и десятилетия.

Другой эксперт UWEC, Евгений Симонов*, считает, что

желающие вернуться все равно будут.

Евгений Симонов. Фото: соцсети

— И, на мой взгляд, их будет много. На то есть и эмоциональные причины — родные места и расчет: у людей в этих разрушенных городах по документам имеется недвижимость, а это актив, — говорит эксперт. — Но что еще важнее, существует инерция бюрократии, у которой вот здесь числится город. Больше того, уже на самой первой конференции по восстановлению балканские эксперты [апеллируя к собственному опыту] объясняли, что у отстройки разрушенных городов очень много интересантов: огромные контракты, огромное количество лоббистов, самые дорогие решения, которые зачастую вовсе не нужны. То есть восстановление — это своего рода огромнейший конкурс грантов. И это тоже необходимо учитывать.

Токсичные руины

Решат ли восстанавливать разрушенные города или будут ли строить новые, неизбежно встанут два вопроса: что делать с руинами и насколько они опасны для окружающей среды?

В 2017 году доктор технических наук Геннадий Дрозд, профессор Луганского государственного университета, исследовал возможности для переработки и утилизации строительного мусора, возникшего как следствие разрушений в Донбассе. В частности, он указывал, что в мирное время строительные отходы просто захоранивают, но уже тогда, восемь лет назад, в Донецкой и Луганской областях их образовалось столько, что захоранивать было некуда. Теперь же их количество увеличилось в сотни, если не тысячи раз!

Дрозд в своей работе подсчитал, что около 15% разрушенного — мусор, сделать с которым ничего нельзя — только вывезти на свалку. Например, так придется поступить с завалами штукатурки и гипса. Но вот стеклобой, древесину, кровельные материалы, а главное — железобетон, кирпичи и прочее, составляющие основу зданий, можно переработать и снова направить на строительство.

Авдеевка. 22 февраля 2024 года. Фото: Александр Река / ТАСС

— С экологической точки зрения оставшиеся бетонные или кирпичные стены не несут в себе, конечно, ничего хорошего, но и не представляют серьезной угрозы. Исключение — шифер, который изготавливают из асбеста. Европейские экологи постоянно спрашивают, есть ли понимание, как собрать остатки шифера, —

говорит Алексей Василюк.

Асбест — токсичное вещество, способное вызывать злокачественные опухоли как у человека, так и у животных. Его популярность в Советском Союзе объясняется недостаточной

изученностью, а на постсоветском пространстве — инерционностью экономик и мышления людей. При этом сегодня он запрещен в 50 государствах — членах Всемирной организации здравоохранения.

— А у нас этот шифер везде, даже в самых маленьких деревнях. Мы не знаем, сколько его там, но, очевидно, напрасно недооцениваем его опасность, — продолжает Василюк. — Но что мы точно оцениваем верно и что значительно хуже — это разрушение промышленной инфраструктуры. В Донбассе практически полностью разрушены угольные предприятия. Это чревато затоплением шахт и выходом на поверхность загрязненных шахтных вод. Все шахты связаны дренажными конструкциями, то есть затопление одной влечет затопление других по цепочке. И все это так или иначе будет стекать в Азовское море: часть — напрямую, часть — через Северский Донец и Дон.

Шахтные воды в Донбассе могут быть загрязнены большим количеством опасных для человека и природы веществ: ртутью, свинцом, хлоридами. Но главная угроза в том, что они могут быть радиоактивны.

Возникла эта угроза задолго до 2022-го.

В 2018 году власти «ДНР» решили затопить закрытую угольную шахту «Юнком» в городе Юнокоммунаровске близ Енакиево. Шахта прекратила свою работу еще в 2001 году как неперспективная. Но затопить ее тогда — 24 года назад — ни власти, ни горняки не сочли возможным. Дело в том, что в 1979 году в «Юнкоме» был произведен ядерный взрыв.

Советские власти полагали, что таким образом смогут решить проблему скопления метана в угольных месторождениях. Однако достичь этой цели не удалось.

Геолог Евгений Руднев отмечает, что после взрыва жители Юнокоммунаровска и Енакиево начали массово болеть «теми же заболеваниями, что ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС». Забранные в шахте пробы показали колоссальное радиоактивное загрязнение — 60 кюри (норма — менее 1 кюри).

Именно поэтому консервировать шахту решили не традиционным затоплением, а дорогостоящим «сухим» методом, требующим, помимо прочего, постоянной траты денег на откачку воды. До 2014 года, то есть до начала боевых действий на востоке Украины, официальный Киев выделял на эти цели \$5 млн в год. В «ДНР» же заявили, что таких денег у них нет.

О потенциальных последствиях затопления «Юнкома» Руднев говорит так:

«Если водоотливные установки в результате длительного обесточивания затопят, произойдет подъем уровня подземных вод. «Запечатанная» капсула с радиоактивными материалами разломится, и зараженная гадость устремится с водой по штрекам. Эта вода поднимется вверх и по ряду старых незаложенных скважин попадет на поверхность. Загрязнение местности будет чудовищным — примерно на уровне 1000 микрорентген в час».

Для понимания: безопасным для человека считается уровень

радиоактивного фона до 50 микрорентген в час.

Что сейчас происходит с загрязненной водой на «Юнкоме», достоверно неизвестно. Отдельные украинские СМИ в сентябре 2025 года сообщали, что результаты проб, отобранных на расстоянии 5 км от шахты, показали радиоактивное загрязнение горизонтов питьевой воды. В то же время сами документы с зафиксированными показателями не опубликовались. Российская сторона о каких-либо исследованиях и вовсе не сообщала.

Обмелевшее Ханженковском водохранилище. Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

— И здесь есть важный момент: Донбасс — это степная зона. У местных жителей — исторически проблемы с водой. И очень многие забирают воду из-под земли. Как объяснить им, что колодец — теперь не источник жизни, а источник угрозы? — задается вопросом Алексей Василюк. — Если говорить прямо, воду в населенные пункты теперь можно

только привозить.

Тревог добавляет и разрушенная химическая промышленность.

— Возьмем для примера Северодонецк и Рубежное, — продолжает эколог. — Насколько мне известно, в этих городах в той или иной степени разрушено 36 предприятий химического комплекса. У каждого из них должны быть какие-то склады сырья, склады продукции, очистные сооружения, склады отходов, которые не перерабатываются. И все это так или иначе повреждено взрывами. Из-за того, что туда нет доступа, мы не понимаем, какое количество опасных веществ попало в окружающую среду. Сюда же — такие заводы-гиганты, как «Азовсталь». Предприятие, стоящее прямо на берегу Азовского моря, полностью разрушено. Отходы попали в море. И с экологической точки зрения загрязнение от этого куда более опасно, чем разрушение жилых домов в остальной части Мариуполя. Потому что токсичные вещества попали в воду, они уже так или иначе поглощены и будут поглощаться рыбой, а ее будут есть люди.

Снаряды дают всходы

Зона боевых действий — это не только руины, но и поля, изрешеченные воронками от взрывов. В 2022 году UWEC — организация, объединяющая экологов и экоактивистов из России, Украины, Беларуси, Германии и США, — проанализировала космоснимок пахотного поля близ города Изюма Харьковской области. И насчитала на нем 2052 воронки от боеприпасов разного калибра. По разным оценкам, так или иначе боевые действия в Украине затронули от 25 до 33% пахотных земель.

— Все эти земли условно можно поделить на две части. Первая — та, которая заминирована, ее нужно разминировать, и она будет тем, чем была раньше. Вторая часть — те поля, где

были интенсивные бои. Эта территория усеяна воронками, она очень большая, и она загрязнена серой и тяжелыми металлами от разрывов снарядов, — говорит Алексей Василюк. —

С экологической точки зрения эти территории нельзя использовать для сельского хозяйства. Я не хотел бы есть продукты, которые выращены на таких землях. Большое количество серы, контактируя с водой, образует серную кислоту. И вся фауна и растения страдают от этого.

А тяжелые металлы — они накапливаются, в том числе и в растениях. И потом мы это будем есть? Нет, оно, может быть, не смертельно, но все равно плохо: это и сокращение продолжительности жизни, и ухудшение здоровья.

По мнению Евгения Симонова, перспективы рекультивации пахотных земель зависят от интенсивности физико-химического воздействия на поля в ходе боевых действий, а также от застания древесной растительностью и изменения водного режима.

— Сельскохозяйственные специалисты из Сум, предметно измерявшие последствия, несколько более оптимистичны, чем наша группа: они нашли, что концентрации загрязнителей на полях в основном в пределах допустимой нормы, — говорит Симонов. — А вот почвоведы не столь позитивно настроены.

Фото: Александр Полегенько / ТАСС

Согласно исследованию почвоведов, обследовавших поля в Ольховской громаде Харьковской области и в донецкой Сартанской громаде, для восстановления земель понадобятся довольно дорогостоящие биологические методы очистки — например, выращивание на протяжении нескольких лет подсолнечника или ярового рапса, которые способны выводить из почв тяжелые металлы. При этом употреблять их в пищу будет нельзя.

Алексей Василюк и вовсе отмечает, что многие страны отказываются от сельскохозяйственной разработки особо загрязненных в результате войн земель — во Франции до сих пор не используется ряд участков, поврежденных в ходе Первой мировой войны, то есть больше 100 лет назад.

К тому же в последние годы появились и новые загрязнители. Среди них особенно выделяются дроны на оптоволокне. В мае 2025-го по российским СМИ и пабликам в соцсетях разошлось

видео, на котором военные идут по полю, усеянному белыми нитями. «Будем теперь ловить карася в оптоволокно. Вон, тянет за собой рыбак», — комментирует один из них, снимая, как кабель прицепился к ноге сослуживца.

О дронах на оптоволокне, когда они только появились, стали говорить как о прорыве, вынося за скобки как моральный аспект — само предназначение этих устройств уносить жизни, — так и след, который оставляет их применение.

Оптоволокно — мощный загрязнитель. Его изготавливают из кварцевого стекла или из пластика. По словам исследователя британской организации The Conflict and Environment Observatory Леона Морленда, для военных целей больше подходит пластиковый материал — более гибкий и легкий в сравнении со стеклом. При этом срок разложения пластикового оптоволокна — более 600 лет.

Для природы военное оптоволокно представляет опасность уже сейчас:

в выброшенных кабелях могут запутываться птицы и животные. Попадая в оптоволокно и пытаясь от него избавиться, они только сильнее накручивают кабель на себя и в конечном счете погибают от удушья или голодной смерти.

— Со временем оптоволокно разрушается солнцем. То есть если его не собрать, оно постепенно превратится в крошку, которая будет рассыпана везде, — говорит Алексей Василюк. — Может быть, это и не совсем ужасно, но лучше бы его собрать. И тут надо сказать, что, в отличие от серы и тяжелых металлов,

оптоволокно хотя бы можно механически скрутить. Это единственный загрязнитель, который остается на поверхности. Единственный, который можно просто собрать.

Шанс сурка

Военные действия — колossalная угроза для животных. Они разрушают их среду обитания и убивают напрямую.

— Вдоль Северского Донца сгорели почти все леса — от Изюма до границы с Россией. Там были сосновые боры, в которых обитала крупнейшая группировка хищных птиц в Украине. Но теперь этого места нет — пойма реки осталась, а лес уничтожен. Птицы, поскольку они перелетные, в какой-то момент не нашли места, куда они должны были вернуться, и полетели куда-то дальше. Может, в Россию, может, в западные регионы Украины, может, в Швецию. Тут, правда, важно понимать, что птицы-то хотя бы выжили, — подчеркивает Алексей Василюк. — А вот, например, для млекопитающих ситуация, особенно в начале ***, была хуже. Хищники и копытные очень активно передвигались, заметно участились случаи дорожно-транспортных аварий с их участием. Они встречали очень много препятствий: заборов, населенных пунктов. Они не всегда могли покинуть зону боевых действий.

Фото: Дмитрий Ягодкин / ТАСС

«В реабилитационные центры попадают птицы, лисята, оленята с различными травмами. Это те, кого удалось найти, увидеть и привезти в ветеринарную клинику, но еще тысячи животных не имеют шанса на помощь. Им угрожают ракетные удары, обстрелы из артиллерии, подрывы на минах и растяжках, многочисленные пожары, повреждения внутренних органов из-за ударных волн, стресс, вызванный шумом боевых действий», — писала UWEC в 2022 году.

Но с изменением тактики ведения боевых действий — особенно с началом массированного применения дронов — изменилась и ситуация для животных. Что с ними на линии фронта, точно не знает никто. Но теоретически положение тех, кто выжил, должно было стать легче.

— Поскольку теперь не поливают огромные площади огнем из «Градов» и взрывов стало меньше, то вне зоны пожаров — например, на заболоченных участках — у многих

видов появился шанс, — говорит Алексей Василюк. — Мы видим это, допустим, по степным суркам. У них было несколько сотен поселений — в основном в Луганской области и частично в районе Купянска. За ними следили, потому что их норы хорошо видны на спутниковых снимках. Так вот, сейчас этих поселений более четырех тысяч. Их стало просто раз в десять больше, чем раньше. И это очень четко дает понять, что численность сурка регулируется только охотой. Его сейчас никто не стреляет: ну какая охота в зоне боевых действий? И численность начала стремиться к оптимальной. Другой пример — перестали травить мышей на полях. Стало больше мышей — появились пищевые ресурсы у хищников. И, допустим, краснокнижная перевязка, с которой раньше были лишь единичные встречи, теперь постоянно мелькает на солдатских видео. Буквально скажу: сейчас этих видео с перевязкой больше, чем фактов ее научной фиксации за последние 20 лет. Если резюмировать: некоторым видам животных из-за прекращения охоты и другой хозяйственной деятельности человека стало лучше, но, конечно же, большинству — из-за самих боевых действий — гораздо хуже.

Этот материал вышел в пятнадцатом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

* Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».